

A full-page portrait of Vasily Lyagoskin, a Russian diplomat and statesman. He is depicted as an elderly man with long, flowing white hair, wearing a black robe with a red lining and a blue clerical collar. He is seated in an ornate, high-backed chair with a floral patterned backrest. He holds a large, open book or document in his lap. To his left, a table covered with a blue cloth holds several books, a quill pen, and a small globe. The background features a dark, ornate wall with a clock and a large, patterned curtain. The overall style is characteristic of 18th-century Russian portraiture.

Василий
Лягоскин

Анекдоты
для богов
Олимпа

Оглядитесь — боги
среди нас!

Василий Лягоскин

**Анекдоты для богов Олимпа.
Оглядитесь – боги среди нас!**

«Издательские решения»

Лягошкин В. И.

Анекдоты для богов Олимпа. Оглянитесь – боги среди нас! /
В. И. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837357-2

Продолжение цикла «Анекдоты для Геракла». Теперь приключения в тварном мире ищут олимпийские боги и богини. Сквозь века и тысячелетия они пытаются найти среди простых людей своих сородичей. Возможно ли это — распознать божественную личность среди миллионов, созданных по их образу и подобию? Почему нет?! Ведь у каждого из них есть своеобразные пароли — анекдоты, которые благодаря Книге Алексея Сизоворонкина олимпийцы выучили наизусть.

ISBN 978-5-44-837357-2

© Лягошкин В. И.
© Издательские решения

Содержание

1. Хроники громовержца	6
Эпизод первый: Александр Великий	6
Эпизод второй: Цезарь и Клеопатра	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анекдоты для богов Олимпа Оглядитесь – боги среди нас! Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4483-7357-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Хроники громовержца

Эпизод первый: Александр Великий

Любопытство, нетерпение, кружение головы от обретенной, наконец, свободы... Только страха перед неведомым не было сейчас в душе верховного бога Олимпа. Потому что громовержец по определению не мог ничего бояться – даже здесь, в тварном мире. Лишь в самой глубине души шевельнулся червячок сомнения:

– А Гера? Разве ты не боишься, что не найдешь в этом мире свою половинку; что пройдешь мимо и не узнаешь ее?

– *Постой, а как мы друг друга узнаем?*

– *Я буду с розой в руках.*

– *А я буду жирная...*

Зевс широко улыбнулся, распахивая глаза. Сразу несколько воспоминаний грели сейчас душу. Во-первых, конечно, дума о Гере, единственной и неповторимой, с именем которой он ложился на ложе, и с именем которой просыпался. Второй перед его мысленным взором всплыла картинка огромной тяжелой книги; он даже ощутил ее вес и запах, и – опять в мыслях – откинул обложку, отделанную кожей и уголками из металла желтого цвета, чтобы прочесть с утра пару-тройку анекдотов; зарядиться удивительной бодростью и оптимизмом, что несли эти немудреные строки.

Наконец, в памяти всплыло и лицо хозяина Книги – Геракла, а точнее того, кто так удачно заменил собой полубога. Алексей Сизоворонкин – этот человек, возведенный в ранг бога-неофита, был страховкой для олимпийских богов; посланным в тварный мир «казачком», обладавшим уникальной способностью появляться в нужном месте, в нужный час. На этой оптимистичной ноте – если что, «Геракл», теперь бог информации, поможет – он и начал новый трудовой день: соскочил с ложа...

Ага! – не так-то просто это было, вылезти из-под двух девичьих тел, вцепившихся в него, словно утопающие в спасательный круг. А рядом, с двух сторон, лежали еще две красавицы (и ложе, и положение позволяли такое излишество), которые сейчас тихонько сопели в две дырочки.

– Дырочки в носу, а вы что подумали? – громовержец негромко засмеялся, пытаясь вспомнить подходящий анекдот из самой последней главы Книги.

Информация обрушилась водопадом; в той самой главе «про это» каждый второй анекдот был связан с «дырочками», и Зевс невольно покраснел. А как он заливался краской смущения и восторга, когда читал эту главу впервые?! Он, верховный бог Олимпа, которого столетиями никто и ничто не могло смутить!

Его шевеление и легкий смешок разбудили наложниц; заставили их гибкими, чуть провокационными движениями соскочить с ложа и замереть в поклонах – в очень низких поклонах, в которых бывший бог с легкостью читал невысказанное сразу четырьмя нежными, готовыми на все ротиками:

– Угодили ли мы тебе этой ночью, господин? Были ли мы сегодня умелыми, послушными, угадывающими любое желание повелителя?..

Громовержец сидел на краю мягкого ложа, позволяя себе еще несколько мгновений полюбоваться на этих красавиц – до того, как выйти из огромного походного шатра, взятого с боя, и окунуться в нескончаемую череду дел. Ибо не было; не могло, не должно было быть в половине мира, которой он владел, девиц прекрасней тех, кто грел его ложе.

– *Милый, ты каких больше любишь, умных или красивых?*

– И тех и других. Да я и тебя люблю...

Увы – в половине обитаемого мира, которую уже покорил Александр Великий, он же Двурогий, он же Македонский, и (об этом никто не знал) он же Зевс-громовержец – не было той умной, и красивой, которую он страстно желал видеть рядом с собой.

– Значит, – сделал Зевс вполне логичный вывод, – она сейчас во второй половине мира. И надо эту вторую половину поскорее присоединить к первой...

Вот так, прогнав вполне естественное желание зайти к красавицам с тылу, и уже там еще раз доказать им, что они достойны великого завоевателя (так же, как он достоин их красоты!), Александр и определил себе задание на сегодняшний день – начать завоевание земель, остающихся пока бесхозными. Ибо кто мог назвать настоящими хозяевами царей и падишахов, халифов и богдыханов, трясущихся в страхе и ожидании того рокового часа, когда победоносная македонская армия достигнет границ их государств.

Девушки действительно оказались не только красивыми, но и умными. Выражение его поскуцневшего лица, ставшего строгим и деловитым, они расшифровали, не поднимая к повелителю низко склоненных голов. А потом шустро исчезли во второй половине шатра, потому что уже знали – суровый воитель привык сам облачаться – и к буднему дню, и к праздничному пиру, и – особенно – к предстоящему бою.

Пара минут – и Александр шагнул в свежесть раннего утра, пока еще не нарушенную шумом просыпающегося войска. По сторонам шелковой двери-полога замерли доверенные стражи; казалось, они так и стояли, подобно античным (то есть современным Македонскому) статуям, прислушиваясь, приглядываясь, а может, и принимаясь к опасностям, что могли грозить повелителю мира.

– Как же, – усмехнулся громовержец – не им, а собственным грязным мыслям, – бдили они! Слушали, наверное, крики и вопли в шатре; завидовали помаленьку... а может, и не помаленьку.

Но спрашивать стражей он ни о чем не стал...

– Плохо без женщин...

– Если плохо без женщин – это хорошо. Вот когда хорошо без женщин – это уже плохо!

Стражи остались позади; за спиной выросла пара других – таких же крепких и умелых, а главное – верных. Эти воины прошли вместе с Александром длинный путь по землям Малой Азии; заслонили его собственными телами в битве при Гавгамелах, и с тех пор пользовались его безграничным доверием... насколько мог доверять людям верховный бог Олимпа. Александр даже чуть поморщился – это в сердце кольнула заноза, которая никак не желала иставать с того самого дня, как пришлось казнить Филоту, самого близкого когда-то человека в войске, командира гетайров. А потом – и Клея Черного, командира телохранителей. Потому с некоторых пор Зевс тонко и неуклонно проводил линию на обожествление себя самого – в лице Александра Филиппыча. Не корысти ради и не для того, чтобы потешить собственное самолюбие. Нет! Просто за тысячи лет правления Олимпом громовержец успел убедиться – ни страх, ни уважение не смогут дать гарантии того, что однажды соратники, его закаленные в боях воины, не поднимут проверенное в десятках битв оружие против него самого. А такое брожение в армии тлело уже давно.

– Нет, – решил Александр уже давно, – только любовь; только слепое почитание живого бога на земле... да хотя бы и сына самого Зевса-громовержца. Тем более, что папаша возражать не будет. Так?!

Это Зевс внутри Македонца подмигнул самому себе.

Другая заноза в груди была вполне извлекаемой. Македонский царь знал за собой такую особенность – при виде очередной вражеской крепости, еще не покорившейся ему, или войска, которое он пока не разбил, внутри царского тела поселялось ноющее чувство, не дающее покоя

ни днем, ни ночью. Вот и сегодня, принимая ласки четырех чаровниц, и одаряя их не менее изощренной похотью, он не переставал думать об крепости, что нерушимой твердыней выси-лась над окружившей ее армией Александра.

«Скала Бактрии» – так назвал свою последнюю крепость местный владыка с трудно-переносимым именем Ваксувадавр. Впрочем, он охотно откликнулся на более благозвучное Оксиарт. Зевс-Александр невольно опять вспомнил Лешку Сизоворонкина, у которого, несо-мненно, оба эти имени вызвали бы безудержный смех; ну и очередной анекдот, конечно. И – Александр Македонский готов был поставить на кон все молнии и громы Зевса против горе-лой спички – в этом анекдоте нашлось бы понимание того, как взять неприступную твердыню без больших жертв, а главное – не затрачивая времени, стремительно истекающего, фатально не хватающего для новых побед и завоеваний. Македонец чувствовал – нужно вырываться из теснин Бактрии и Согдианы; вести войско в Индию, и дальше – в загадочный Кхитай, где груды золота заткнут рты самым крикливым... нет – заставят этих крикунов славить во весь голос нового бога на Земле – Александра.

– Кстати, – остановился он так резко, что Филон с Ксантром – две постоянные его тени – едва не ткнулись ему в спину, – а почему я сам не могу найти ответ в Книге? Зачем я учил ее наизусть – еще там, на Олимпе?!

Толстая обложка в памяти опять перевернулась, открывая первую страницу, а телохра-нителю в глубоком почтении отступили на пару шагов, чтобы не мешать очередному озарению кумира. Потому они не могли видеть, как улыбается царь Азии, как шевелятся его тонкие, почти бескровные губы, а лицо, не отмеченное особой красотой, но и не совсем безобразное, становится сейчас мечтательным и одухотворенным; знали бы воины, что Александр Великий с таким лицом, подобающим сразу всем музам, читает про себя анекдоты!

– Вот! – воскликнул он вслух, заставив стражей за спиной радостно встрепенуться, – нашел!

Как ни странно, и царь, и воины думы свои устремили в одном направлении. Александр нашел анекдот, а Филон с Ксантром уверились, что осада Скалы Бактрии закончится совсем скоро; недаром лицо «охраняемого лица» озарилось такой радостью.

Муж говорит жене:

– Привет, дорогая, у меня для тебя сюрприз!

– Правда? И какой же?

– Я приобрел тур в Австралию!

– Ой, как здорово! И сколько туда лететь?

– Точно не знаю, но, как только туда прилечу, я тебе позвоню...

Зевс еще раз хохотнул; теперь погромче – это он представил себе ошарашенные лица олимпийцев и Сизоворонкина; в тот момент, когда он рассказывал бы подданным этот анекдот.

– Ну и что! – воскликнул бы первым (в этом громовержец не сомневался) Геракл-Сизо-воронкин, – где Австралия, а где Скала Бактрии?!

– А-а-а! – поднял бы тогда палец к потолку Зевс (знать бы еще самому, что это за зага-дочная Австралия?!), – удивить – значит победить. Сейчас вот пойду... не я, а Александр, да и предложу Оксиарту отдать мне в жены одну из его дочерей. А самого бактрийца, как люби-мого тестя, оставлю на его троне. Еще и пару соседних областей подарю – после того, как он поможет их завоевать. Ай, да Александр; ай, да сукин сын!

– Это, – поправился тут же громовержец, – не я сам про себя, это Сизоворонкин заявил бы. Еще и по ляжкам постучал бы, – прежде чем начать хохотать. Вопрос только – по своей мускулистой заднице, или по нежным, персикоподобным, принадлежащим Афине с Артемидой?

Олимпиец даже закрыл глаза, представляя себе такую милую картину. А ведь совсем недавно – не больше двадцати лет назад, когда он только начал воспринимать себя в теле

и разуме юного Александра, Зевс считал свой чертог постылым казематом со спертым за тысячи лет воздухом.

– И что бы заявили на это мои дочери? – продолжил он разглядывать такие сладостные картинки, – две красавицы, набравшиеся от человека-полубога такого...

– А если у него все дочери страшные, как крокодилы? – словно наяву прозвучал голосок богини охоты.

– И при чем тут Австралия? – чуть запоздала со своим вопросом Афина-воительница.

– А-а-а! – еще раз воздел бы перст их отец, – тут прямая связь. Если девица будет страшная... все равно женюсь. А потом сбегу от нее – да хоть в ту же Австралию. Хотя лучше в Индию, или в Кхитай. Вместе со всем войском.

Он, наконец, повернулся к телохранителям; точнее к пареньку, следовавшему безгласной тенью уже за спинами стражей – к Гефестиону, с которым самые неосторожные остряки в войске связывали его, богоподобного Александра, весьма неблагоприятной связью (еще и поэтому нужно срочно жениться!). Царь скомандовал, совсем не повышая голоса:

– Евпитрия ко мне.

Сам же он зашагал к стенам осажденной крепости, уверенный, что глашатай, способный без труда перекричать самого громогласного осла, догонит его прежде, чем великий царь остановится. И действительно – когда Александр утвердил свои ноги на пригорке, сейчас олицетворявшем собой половину мира, которую успел завоевать Двурогий, за спиной уже громко сопел, явно разминая голосовые связки, его личный глашатай. Евпитрий, в придачу к пронзительному голосу, обладал недюжинным умом и уникальной способностью придавать лаконичным фразам Александра необходимую причесанность и значительность официального языка. Здесь же, в Азии, он привнес в свои истошные крики еще и цветистость, так ценимую местной знатью. Вот и теперь, прежде чем перейти к сути, Евпитрий долго и торжественно перечислял титулы Александра; не забыл назвать великих мира сего, которые преклонили свои колени перед Македонцем. Ну, или потеряли головы, потому что пожалели собственные коленки и спины, не гнувшиеся в поклонах.

Дисконтные карты, оптовые скидки, «Приведи друга», «Два плюс один»... Все акции оказались почему-то провальными! Сложно быть маркетологом похоронного бюро.

Евпитрий глашатаем (неведомым маркетологом) оказался отличным. Владыка бактрийцев на его призыв откликнулся совсем скоро – причем согласием, полным и безоговорочным.

– Это ты молодец! – мысленно похвалил Евпитрия царь, – если все получится, дарю тебе одну из невольниц, что сейчас ждут своей участи в Скале Бактрии. Гефестиону, кстати, тоже. Пусть доказывает, что подлые слухи не имеют под собой никаких оснований.

Глашатай между тем закончил славословить своего царя – уже в конце своей длинной тирады, которую сам Александр выразил бы в нескольких фразах: «Или свадьба – для меня; почет и долгая жизнь в собственном дворце – для тебя, бактрийский наместник... или смерть на развалинах Скалы – тоже для тебя, и твоих людей...

К визиту Ваксувадавра («Надо же, – усмехнулся Александр, – выучил! Почти как анекдот») был готов шатер, вчетверо превышавший размерами тот, в котором ночевал царь. Роскошью и убранства, и посуды, и яств в них два шатра сравнивать было просто смешно. И это теперь тоже вписывалось в новую стратегию Александра-Зевса, прежде такого аскетичного. Спартакское воспитание Леонида, приставленного матерью, а тем более шута и актера Лисилика пора было отринуть. Что касается великого Аристотеля, философа, и его учителя...

– Ну, – решил, наконец, Александр, не собираясь вставать навстречу будущему тестю, – не так уж он и велик, рядом со мной.

Тут громовержец слукавил; имея в виду несравненного Аристотеля, он кивнул сейчас на бактрийца Оксиарта. Предполагаемый тесть действительно был росточка невеликого;

на голову ниже македонского царя. Зато талией, а еще длиной и густотой аккуратно подстриженной бороды поражал. Александр прежде всего оценил живот бактрийца; сравнил его с яствами, которыми был уставлен низенький столик:

– А ведь еще и невесту угощать надо будет...

Говорят, что если женщина весит сто килограммов, Бог думает, что она уже нашла свою половинку, и никого ей не посылает.

– Давай не будем решать за бога, – усмехнулся Зевс неведомому составителю книги, – он сам в состоянии сделать свой выбор.

Евпитрия в этот шатер не пригласили, так же, как и многочисленную свиту Македонца. Царь решил в вопрос собственной женитьбы и (чем черт не шутит?) возможного престолонаследия не вмешивать никого, кроме родственников. Такой он на сегодня считал лишь собственную мать, Олимпиаду, которая уже столько лет ждала его на родине. Александр, а вместе с ним и Зевс любили македонскую царицу искренней любовью; скучали по ней, но пока вместо давно обещанного возвращения домой лишь слали бесчисленные трофеи из покоренных царств. А Оксиарт...

– Я готов прилюдно назвать тебя родичем, бактриец; возвыситься над соседями, над всей Бактрией, если ты сейчас сотворишь чудо, которого требует моя душа! Нет, – поправил себя Зевс Македонский, – она не просто требует, она уже что-то чувствует!

Александр в нетерпении соскочил с собственного трона, поднесенного ему персами, убившими своего последнего царя, Артаксеркса, и потащил слабо упировавшегося бактрийца к столу – к яствам, а прежде всего, к кубкам. Сам Македонец в последнее время тоже не гнушался алкоголя – в полной уверенности, что закаленному организму громовержца, за тысячелетия привыкшего к сногшибающей огневке, слабенькое персидское вино ничем не повредит. Потом – после нескольких чар «За знакомство», «За здоровье!», и, конечно же, после третьей: «За женщин!», – повелитель мира потребовал этих самых женщин, то есть девиц, нетронутых даже мужскими взглядами.

– Зумрад! – громко возвестил Оксиарт начало волнующего действия, – моя старшая и любимая дочь...

Александр как раз цедил из золотого кубка местную мальвазию, когда в проеме шатра появилась «красавица», застывшая в весьма эротичной позе. Это она сама она так думала. А Македонец, сначала подавившийся вином, а потом выплюнувший и благородный напиток, и остатки ароматного кебаба, который и запивал вином, и возглас ужаса, который объял его при видении самого себя в одной постели с этим страшилищем, схватился, как утопающий за соломинку, за... анекдот.

Те несколько минут, которые он якобы откашливался от кусочка кебаба, попавшего не в то горло, он стремительно листал в памяти страницы Книги и, наконец, нашел нужную:

Ну что ты переживаешь, что грудь у тебя первого размера?! Зато... вон... Ноги сорок четвертого!

Что такое сорок четвертый размер ноги, Александр не знал, но предполагал, что он примерно соответствовал «кокетливо» выставленной вперед ножке старшей дочери бактрийского владыки. У нее вообще все было длинным – и ноги, и нос, немного свернутый набок, и руки, которые нервно (наверное, тоже «эротично»?) теребили пестрое платье где-то в районе колен бактрийки.

– Нет!!! – Александру даже не пришлось исторгать из груди крика; отец все понял сам, тоже, очевидно, безмолвно погрузив: «Ну, вот! И на этот раз не удалось вручить „товар“ купцу!».

Невольницы, на которых взгляды и Александра Великого, и не такого великого во всех смыслах Ваксувадавра, немного отдохнули перед очередным испытанием, шустро заменили и заплеванные скатерти, и изрядно подъеденные блюда и подпитые кувшины. А бактриец

во второй раз хлопнул в ладоши, приглашая вторую дочь, Зульпу. Александр, предусмотрительно проглотив недожеванный кусок уже из второй перемены блюд, опустил на столик бокал, чтобы не залить свежую скатерть.

– Впрочем, – заявил он задумчиво, – с этой возлечь я бы согласился – хотя бы ради эксперимента. Смогла бы эта, несомненно, тоже очень любимая дочь Оксиарта, заменить четырех наложниц... покорностью и неутомимостью? Весом Зульпа, наверное, их всех вместе даже превзошла.

Это Александр еще раз подчеркнул свой вывод насчет «любимой» – нелюбимую дочь бактриец вряд ли стал бы так кормить... точнее, откармливать. Девушка действительно оказалась энергичной; протиснулась в широкий проем, с которого стражи снаружи предусмотрительно откинули полог, так шустро, что шатер содрогнулся и едва не упал, «похоронив» под своим тяжелым покрытием вполне сдружившихся правителей.

– *Ваши штангисты триста килограммов поднимают?*

– *Конечно.*

– *А можете сделать меня штангистом?*

– *Вам зачем?*

– *Моя невеста хочет, чтоб я ее в загс на руках внес.*

Громовержец не знал, что означает таинственное слово «штангист», а тем более «загс», но становиться им определенно не пожелал. Хотя...

– Если не появится кто-нибудь посимпатичней, я, пожалуй, решусь на «эксперимент», – развеселился Македонец, качая, впрочем, головой.

Красавица на триста кило (а может, и побольше) обиженно надула губки, и протиснулась наружу, задев боками сразу оба края проема и заставив пирующих опять опасно посмотреть на задрожавший купол шатра.

Парочку очередных дочерей громовержец пропустил, не удостоив их анекдотами. Очередная красотка, заскочившая на ковер перед столиком шустро, как горная козочка, чем-то и была похожа на это животное. Александр опять испачкал скатерть – теперь пролив вино мимо рта в раздумьи. Наконец до него дошло – ноги! Девичьи ножки, вывернутые так, что красавице было нелегко выступать павой – только скакать!

– *Девушка, а почему у вас ноги такие кривые?*

– *А это чтобы ты уши не натер!*

– Великие боги! – потрясенный Зевс обратился к самому себе и многочисленной родне, – девица определенно знает этот анекдот. Вон как нахально подмигивает, да ножкой... копытцем по ковру постукивает...

«Копытцами» сейчас выступали какие-то золоченые кауши, обувь местных красавиц. Они безжалостно топтали бесценный хорасанский ковер и были на удивление малы – словно в них действительно прятались не нежные девичьи ступни, а грозное костистое оружие, которым так удобно наставлять на путь истинный непокорных мужей.

Искандер Двурогий – так звали Александра местные певцы – потрогал покрытую светлыми волнистыми волосами голову, убедился, что козлиные рога там не выросли, и отчаянно замотал ею.

Ваксувадавр даже крикнул от огорчения. Этот вариант – как понял Зевс – он тоже предлагал претендентам на его наследство уже не в первый раз. Злиться и насыпать на лысую голову бактрийца грома и молнии олимпийцев не стал; даже похвалил в душе заботливого отца. А потом добавил в его бокал местного вина, искренне огорчаясь, что в его руках сейчас обычный, хоть и золотой, кувшин, а не волшебный сосуд, который тысячи лет грели его руки.

– Будь сейчас в твоём бокале мальвазия, бактриец, – чуть грустно помечтал Зевс, – ты бы выложил на прилавок... то есть на этот хорасанский ковер свой самый лучший товар. Такой, что...

– Какой? – вскинулся на месте Оксиарт так, словно глотнул самой настоящей огневки.

– А такой, – ответил ему совершенно серьезно Александр:

Девушка должна быть стройной – как Дюймовочка, работающей – как Золушка, молчаливой – как Спящая красавица... и тогда все мужики признают, что это не девушка, а сказка!

– Дюймовочка – это кто? А Золушка?!

Македонец лишь пожал плечами – он тоже не отказался бы узнать, что за таинственных «тварей» описывал очередной анекдот из Книги, но... Вместо ответа он по памяти обвел руками перед собой силуэт своей богини, Геры; соблазнительный и волнующий настолько, что теперь уже бактриец – подавившийся и покрасневший, как голый зад обезьяны – испачкал скатерть.

– Есть! – воскликнул он, одним движением отерев рот рукавом парчового халата, – есть такая краса среди моих дочерей! Роксана... младшая и самая любимая.

– Да у тебя они все самые любимые, – широко улыбнулся Александр, пряча за улыбкой добрую иронию.

Так, с застывшей на губах гримасой, он и вскочил на ноги, когда в любезно откинутый в очередной раз полог проема гибкой тенью скользнула младшая дочь Ваксувадавры. Всем была хороша девушка, которой вряд ли было больше четырнадцати лет – и гибким станом, и стройной фигуркой, в которой жадные глаза громовержца не смогли отыскать ни единого, самого мельчайшего изъяна, и, наконец, чуть смуглым, но вполне греческих очертаний лицом изумительной красоты, с которого на него озорно взирали глаза его богини, Геры.

Зевс зарычал (про себя) и едва сдержался, чтобы не броситься вперед, не подхватить девушку на руки и унести ее туда, где никто не помешает им заново познавать друг друга. Деликатное покашливание бактрийца он бы отринул мановением пальца, но... Глаза Роксаны стали чуть строже; они словно напоминали ему, тысячелетнему спутнику, о данном прилюдно обещании. И громовержец сдержал порыв, повернулся к будущему тестю, и вполне спокойным голосом, в котором только Гера могла (и смогла) распознать и нетерпенье, и всежигающую страсть полного сил мужчины, и любовь отчаявшегося от долгой разлуки возлюбленного... Спокойным до жути голосом он повелел своему новому подданному готовить дочь к свадьбе – этим же вечером...

...Тридцатитрехлетний Александр тяжело дышал, откинувшись на мягкие подушки ложа. За открытым окном шумел Вавилон. Великий город был равнодушен ко всему – даже к тому, что величайший из воителей всех прошедших цивилизаций умирал, так и не покорив вторую половину мира. А сам Македонец улыбался, хотя понимал – этой ночи ему не пережить. Слабым утешением могли служить строки из любимой Книги:

Очень важно иметь рядом с собой человека, который всегда обнимет и скажет: «Ну, вот и все, приехали, это конец...».

Такой человек у Александра был. Роксана, его царственная Гера...

Прошедшие четыре года он не променял бы на тысячи, что провел на Олимпе Зевс-громовержец. Эти годы были полны звона мечей и победного рева боевых труб, новыми землями, которыми прирастала его империя, а главное – любовью Роксаны-Геры, которая всегда была рядом. Но только не сегодня – не в день, когда Александр, точнее Зевс, был готов отойти в иной мир, чтобы возродиться... кем?

– Неважно, – думал Александр головой, тяжелой от лихорадки и яда белой чемерицы, – главное, чтобы в той, будущей жизни я опять нашел свою Геру! На этот раз она переживет меня; надолго ли? Смогут ли надежные соратники оградить ее от ненависти и злой ревности других жен – дочери Дария Статиры и от Парисат – наследницы Артаксеркса, последнего персидского царя? Или воины, что прошли со мной полсвета, радуясь победам и хороня товарищей, вцепятся теперь друг другу в глотки, и начнут делить мою империю, как только Александра

Великого не станет!.. Нет! – правильно я сделал, что отослал Роксану к матери, Олимпиаде. Царица Македонии еще полна сил; она сможет и оградить от бед сына, рождения которого мне не суждено дожидаться, и воспитать его так, что он сможет завершить дело отца – бросить под копыта своего коня вторую половину мира!..

Лицо Александра стало спокойным и торжественным. Яд, что терзал его в последние дни, отступил на мгновение, и пораженные жены и соратники услышали, как сухие губы отчетливо, даже весело бросили в пространство перед собой:

– Ну, вот и все, Гера, приехали – это конец.

Великого царя и полководца не стало.

Эпизод второй: Цезарь и Клеопатра

– Ну, вот и все, приехали, Гера – это начало!

– *Девушка, а как вас зовут?*

– *Иа.*

– *Какое красивое и редкое имя.*

– *Пьявда?*

Цезарь – великий воитель, и не менее великий интриган; человек, способный заниматься сразу несколькими важными делами, и при этом не ошибаться, сейчас был в состоянии делать лишь одно. А именно – беззвучно открывать рот в изумлении и восторге. Потому что царственное имя Клеопатра, которым представили ему царицу Египта, он желал произносить – и на весь величественный зал, где стояли троны фараонов, и на весь мир – по своему, как привык за тысячелетия сидения на Олимпе. И его губы прошептали – так, чтобы услышали лишь два нежных ушка, которым они и предназначались:

– Гера! Это ты, Гера?! Как долго я искал тебя!!!

– И я тебя, мой бог! – отвечали ему смеющиеся глаза богини, – я, конечно, не заливалась горячими слезами все те бесчисленные жизни, что прожила без тебя, но... готова отдать их все за одну ночь с тобой!

– За ночи! За бесчисленные ночи, повелительница Египта и всего мира! – так же безмолвно восклицал римлянин, готовый бросить к ногам царицы все золото и все свободы Вечного города.

Увы, Клеопатре не нужно было так много.

– Мне бы, – смиренно склонила она голову, а потом, чуть помедлив, и колени, – дожждаться справедливого суда, который позволит мне воссоединиться с братом и мужем нашим фараоном Птолемеем, и отправить на плаху его советников, в первую очередь скопца Потина.

Ее лицо исказилось в отвращении, и Цезарь-Зевс охотно присоединился к ней в этом весьма неблагоприятном занятии. Не потому, что его брала оторопь от вынужденного уродства человека, собравшего в своих руках всю исполнительную власть некогда великого Египта, а от того коварства и той подлости, которыми был «славлен» Потин. Справедливости надо сказать, что коварен и подл он был по отношению к Клеопатре; своего господина, Птолемея, он не предавал. И Зевс вспомнил очередной анекдот, который позволял ему перейти к гораздо более «важным» занятиям.

Иногда в ней было столько страсти, азарта, желания и фантазии, а иногда она была тихой, молчаливой и неподвижной. Угадайте, когда она просила денег, а когда мы занимались сексом?

Клеопатра негромко рассмеялась:

– Это не про меня, мой господин. И ты сейчас в этом убедишься!

Государственные дела заняли совсем немного времени; царица видела, что римлянина, в котором она, несмотря на все тщание, не смогла распознать ни одной черты громовержца, буквально распирает от желания поделиться с ней какой-то тайной. Тайной настолько интимной и великой, что никому другому во всем мире, кроме нее, человека и богини, ближе которой просто не могло быть, он открыть не мог. А Клеопатра, как и всякая земная женщина, да и как богиня в прошлом, знала, как трудно удержать в себе подобное чувство.

Наконец, настало мгновение, когда никто не смог помешать им шагнуть в объятия. И был этот волшебный миг настолько горячим и бурным, что Клеопатра в изумлении отстранилась от своего тысячелетнего супруга, чтобы повнимательнее разглядеть его усталое, достаточно помятое бурной жизнью лицо римского патриция. Для Зевса с его бессмертием и божествен-

ной сутью тысячи лет на Олимпе были сродни одному мгновению. Здесь же и сейчас Цезарь, проживший долгую (пятьдесят два года!) и трудную жизнь, вел себя как пылкий юноша... что и доказал, буквально замучив молодую женщину на ложе за бесконечную бессонную ночь.

Клеопатра тяжело дышала, разметав по мягкому ложу и длинные волосы, и соблазнительно белевшие в свете луны руки и ноги; она не успела отреагировать на слова Цезаря: «Подожди, моя царица, я сейчас!». Римлянин исчез за дверью, а египетская царица заполнилась ожиданием чуда. И дождалась! Громовержец вернулся вприпрыжку, как совсем уже расшалившийся юнец, неся в руках своей избраннице... нет, не цветок, подобной узбекской розе, связавшей их нерушимыми узами благодаря острым шипам. Зевс нес в руках обычный на первый взгляд каменный сосуд – похожий на те, что Геракл-Алексей называл гранеными стаканами. Гера-Клеопатра даже на мгновение отвлеклась и от суженого, и от его подарка – она вспомнила чудаковатого человека, любителя анекдотов, благодаря которому боги вырвались из тысячелетнего олимпийского заточения. Здесь ей уместно было бы покраснеть, вспомнив еще и его жаркие объятия, но... женские руки уже жадно вцепились в граненый камень, полный волшебного напитка.

Собираясь ко мне в гости, не забудьте прихватить цветы, ведь я же девочка! И бутылку водки, потому что я та еще девочка...

– Мальвазия, – в экстазе прошептала она, лихорадочно перебирая те волшебные напитки, что прежде нравились ей, а теперь были недоступными.

– Лучше! – гордо возвестил Цезарь, заставляя легким касанием пальца о дно сосуда глотнуть египтянку нектара, какого она никогда не пробовала – ни на Олимпе, ни в тварном мире.

Жидкость разлилась по жилам огнем, погасить который смог только Зевс – собственным телом, а особенно той ее частью, которая (который!) уже была готова к действию.

– Что это было?! – Клеопатра, наконец, выплыла из безумного провала, заполненного бешеной страстью, – что за нектар?

Громовержец чуть поморщился: «Это не нектар, это я!», – а потом не выдержал, и негромко засмеялся, нависая массивным телом над царицей, сейчас освещенной уже полуденным солнцем. Ручки Клеопатры тем временем ласково гладили «достоинство», отмечая и его заслуги, и готовность к новым подвигам. Увы – дела ждали и Цезаря, и Клеопатру. Утешало лишь то, что впереди была новая ночь, а потом еще, и еще...

В одну из таких божественных игр Зевс, с трудом оторвавшийся от Геры в ее земном облике, проговорился:

– Это та самая ипостась Грааля, которую когда-нибудь в будущем ты, царица, своими руками отдашь Лешке-Гераклу.

– НИ ЗА ЧТО! – Клеопатра вцепилась обеими руками в волшебный сосуд, – никогда и ни за что!

Цезарь лишь грустно усмехнулся:

– Во всем нужно искать крупицу позитива, милая. Я завтра уезжаю. Грааль, конечно же, увезу с собой. Не спорь, царица. Рим ждет меня. А здесь... Скопец обезглавлен; Птолемей не смеет поднимать взора от пола. Легионы, что я оставляю здесь, будут верны тебе, союзнице Вечного города и будущей матери моего наследника, как самому Цезарю. А потом... потом ты приедешь ко мне, в Рим, чтобы не уезжать уже никогда...

– И где здесь позитив? – приподнялась на локте Клеопатра, – расставание? Долгие ночи без тебя? Ночи, отравленные мыслями о Граале; божественном и недоступном?

– Позитив в том, царица, – теперь и римлянин был грустен, – что встреча с Лешкой произойдет еще не скоро; как бы не деликатен был Геракл, когда пересказывал мне подсмотренную картину встречи Алексея с тобой, он не мог скрыть того факта, что лет тебе уже было... в общем, моя старушка, давай-ка глотнем еще по разу из сосуда греха и...

– Почему по разу? – рассмеялась серебряным колокольчиком Клеопатра, вспомнившая как раз одну из присказок Сизоворонкина, – «...эх, раз, да еще раз, да еще много-много раз...». Уж если ты не можешь взять меня с собой в Рим...

– *Привет, как сам?*

– *Да вроде по чуть-чуть, только жена грызет.*

– *По какому поводу?*

– *Да никак не можем с ней договориться, где провести отпуск.*

– *А в чем сложность?*

– *Ты представляешь, я собираюсь в Таиланд, а она, видите ли, хочет со мной поехать...*

Цезарь уехал, оставив Александрию, а с ней и весь Египет Клеопатре. Договор двух великих держав не был взаимовыгодным; римлянин, несмотря на многовековую любовь, оставался прагматичным политиком и патриотом своей новой родины. А еще он был человеком с огромным тщеславием и талантом свершать во славу этого порока великие дела; как и Александр Македонский, или другие его ипостаси, которым не посчастливилось встретить на своем пути земную аватару Геры. Те жизни римлянин не забывал; однако задвинул в самый уголок собственной памяти.

А Клеопатра... Царица правила, казнила и миловала, и ждала... до умопомрачения ждала вызова в Рим. А еще – боролась с собой. Сладкий дурман Грааля сжигал ее изнутри, заставлял бессознательно бродить взглядам по самцам, что окружали ее – днем. А ночью изливать этот дурман горячими слезами в подушку, да скрипеть зубами от неутоленной страсти. Она сама удивлялась себе. Ну что ей стоило кивнуть... да хотя бы вон тому застывшему, словно каменное изваяние, стражу, что с напарником берегли ее покой у дверей опочивальни. И ведь стражник бросился бы к ней с радостью, готовый отдать не только страсть, но и всю жизнь, за одну ночь с несравненной Клеопатрой. Могучая мышца стража, скрытая сейчас шароварами, и неподвластная его воле (как и у его напарника, кстати), показывала на это. Царица едва сдержала страстный стон и шагнула мимо, еще раз удивившись собственному капризу. Ведь Зевс-громовержец ничем – ни словом, ни жестом, ни возмущением в душе – не проявил бы своей ревности. Для богов такого слова попросту не существовало. Для Геры в том числе. А для Клеопатры?

Царица, не решаясь, а главное – не желая переступить черту, которую провела сама – буквально корчилась по ночам от ревности. Ведь Цезарь увез с собой сосуд вселенского греха, и Грааль, совсем не святой, вряд ли простаивал в Риме. Кто-то тем временем усердно распускал слухи, что распутная царица не брезгует никем – ни стражами, ни темнокожими невольниками, ни...

– Нет! – содрогнулась Клеопатра, – до такого я никогда не опущусь.

Слухи эти, несомненно, достигали ушей великого римлянина; но для египтянки самым важным было оставаться честной перед собой; чтобы в миг встречи с любимым человеком она могла открыто глянуть в глаза Цезаря.

– *Тебя что, жена в сексуальном плане не устраивает?*

– *Устраивает.*

– *Почему тогда разводитесь?*

– *Так она не только меня в этом плане устраивает...*

– Жизнь, как зебра, – царица опять вспомнила Сизоворонкина, – полоса черная, полоса белая.

Она вспомнила полубога в тот день, когда такая длинная черная (длиннее и чернее не бывает) полоса, наконец, закончилась. Пришел вызов из Рима...

Клеопатра стояла перед статуей, в которой мало что было от нее, царицы Египта. А вот Геру, верховную богиню Олимпа, мог бы узнать в этом мраморном творении безвестного

для нее скульптора каждый, кто имел счастье побывать во Дворце Зевса-громовержца. В том дворце, который остался лишь в памяти богов.

– Ну, и одного человека, – Клеопатра совсем не к месту вспомнила Сизоворонкина.

Она повернулась к Цезарю, который лучился рядом горделивой улыбкой; гордость его была вполне понятной и оправданной. Потому что мало кто смог бы передать мастеру словами своеобразную красоту богини семейного очага. А Цезарю-Зевсу это удалось. Теплая волна благодарности заполнила душу египтянки. Но она не была бы женщиной, если бы не уронила в эту «бочку меда», которым кормил ее громовержец с первого дня ее пребывания в Вечном городе, крошечную капельку дегтя (знать бы еще, что это такое?).

– Почему эта статуя стоит в храме Венеры Прародительницы? – немного капризным голосом спросила египтянка у Цезаря, – это ведь местная ипостась Афродиты? Рядом святилище Юноны, хранительницы очага и семьи, моей аватары в этом мире.

– Потому, – открыто улыбнулся ей римлянин, – что для меня богиней любви и красоты была именно ты – и на Олимпе, и особенно здесь.

Клеопатра теперь улыбнулась так же широко и счастливо. «Здесь», – поняла она, во многом благодаря волшебному кубку. Каждая ночь двух царственных любовников была заполнена страстью и негой; египтянка даже задумывалась иногда – откуда берутся слухи о том, что она и здесь, в Риме, наставляет ветвистые рога римскому властителю?

– Скорее всего, – опять нахмурилась она, – слухи эти приплыли вместе со мной из Александрии. А кто-то здесь их искусно подогревает.

Цезарь словно угадал, почему ее лицо на минутку омрачилось; воскликнул с жаром, будто рядом с молодой египтянкой стоял не муж на шестом десятке годов, умудренный опытом и битвами, а пылкий юноша.

– У меня еще один подарок – возвестил он, – поворачиваясь от золотой богини к живой – из плоти и крови, – я хочу жениться на тебе; признать своим нашего сына. Который, я надеюсь, будет править одной страной, в которую объединятся великий Рим и не менее великая Александрия.

– Не боишься? – прищурилась Клеопатра не столько от режущего глаз сияния новенькой статуи, сколько от иронии, которой она наполнилась, и – совсем немного – от смутной тревоги, – не боишься, что граждане Рима назовут тебя предателем их интересов, а еще... правителем с самыми большими рогами на свете. Знаешь, какие истории про меня ходят в городе?

– Знаю, – расхохотался Цезарь, – одну похожую я когда-то в Книге прочел:

Разъяренная женищина врывается к гинекологу и с порога «наезжает»:

– Доктор, зачем вы в справке написали: «Здоровая»?!

– А что я, по-вашему, должен был написать? – возмущается доктор.

– Ну... например: «маленькая» или «как у всех»...

Клеопатра не все поняла в этом анекдоте, но главное уловила. Потому и сама сейчас превратилась в девчонку, заполнившуюся (притворно, конечно) гневом и возмущением. Маленькими, но крепкими кулачками она погнала хохочущего Цезаря из храма – навстречу действительно возмущенным взглядам римской общественности.

Такие подарки для любимой женщины вечно загруженный делами римлянин не забывал преподносить практически каждый день. А ночи безраздельно принадлежали им. Грааль Цезарь теперь оставлял в покоях Клеопатры, охраняемых его личной гвардией...

Старший из них и принес ужасную весть о кончине Цезаря. Египтянка, принявшая сурового воина на ложе, в практически прозрачном одеянии (надо же соответствовать слухам!), застыла лицом, не слыша, как теплый воздух, напоенный благовониями, заполняют страшные слова. Имена, которые прежде в этом доме произносились очень часто, и всегда с теплым чувством, теперь били по голове огромными безжалостными кувалдами.

– Брут, Кассий, – прошептала она, когда центурион уже вышел, – пусть на ваши головы падет проклятье всех богов... Одно уже пало, негодяи.

Стражник, затворивший за собой двери, поразился бы, увидев, с какой быстротой исчезло с лица египетской царицы выражение безмерной горечи и отчаяния. Клеопатра – сейчас больше Гера – отринула в эти мгновения все привычки; сомнения и предрассудки земной женщины. Это снова была бессмертная богиня, а Цезарь... Его хладный труп был бесконечно чуждым для нее; лишь временным вместилищем ее возлюбленного мужа. Гера мыслями была в будущем – там, где она надеялась... нет, она была уверена! Там она снова воссоединится со своей божественной половиной.

Клеопатра негромко засмеялась, обращаясь к Зевсу через время и расстояния; обращаясь, как часто в последнее время, анекдотом:

– У меня муж на вахту уехал и мою фотографию с собой взял... Говорит, у них там всегда грязь, дождь, холод собачий... А как на мою фотку посмотрит – сразу мысль в голову: «Господи! Хорошо-то здесь как!!!».

– Я тебе покажу, «хорошо»! – хищно улыбнулась египтянка.

Они не раз обсуждали с Зевсом промашку, которую допустили еще дома, на Олимпе. Ну что стоило им порасспросить Сизоворонкина; хотя бы о самых знаменательных событиях истории человечества. Тогда бы они...

– Впрочем, нет! – остановила она собственные терзания, – это страшно – знать, что ждет тебя впереди; какую ужасную смерть приготовило нам провидение... или одна из трех богинь судьбы. Так что о будущем ни слова... А вот о прошлом!... Кем бы ни возродился Зевс-громовержец в следующий раз, о своей «бывшей», о Клеопатре, он обязательно услышит! Ну, мужек, держись крепче за рога!

Из опочивальни вышла царица, в которой убитую горем женщину можно было узнать разве что только по наряду из черной ткани. Ткани этой, кстати, на роскошном теле Клеопатры был самый минимум; так что притихший Рим, ожидавший кровавой борьбы за наследство Цезаря, заполнили совсем уже грязные измышления о распутной египтянке. А последняя, проводив в последний путь римского владыку, опять терзала по ночам подушку, но не более того. Что-то все-таки сдерживало Клеопатру; она даже ни разу не прикоснулась к Граалю. Его – этот грубый сосуд из осколка Предвечного камня – она считала самым ценным сокровищем, что увезла на родину. А уж там, в Александрии...

Царица едва вытерпела до окончания праздничных церемоний, которыми встретил ее город, основанный, кстати, тоже Зевсом – в теле и разуме Александра Великого. Народ радовался не столько возвращению повелительницы, которая несколько лет провела вдали от подданных, сколько жареным тушам быков и баранов, которые бесконечной чередой выносили из ворот царского дворцового ансамбля. На улице это скворчащее жиром мясо соединялось с другими яствами, а главное – с потоками вина, которое не пожалела Клеопатра. Она тоже праздновала; праздновала завершение собственного воздержания, эпитимьи, наложенной на себя самой.

Ни яств, ни густого вина ей не было нужно. Праздник для нее начался глотком амброзии из Грааля, и... Она остановилась перед дверьми собственной опочивальни, и безмерно удивилась – по обе стороны тяжелых, покрытых золотым орнаментом створок стояли те самые стражи, которых она отметила еще до отъезда в Рим.

– Ну что ж, – облизала она мгновенно пересохшие губы, выбирая из двух здоровяков того, чьи узкие шаровары сильнее трещали от напряжения; выражение их лиц и наличие интеллекта в глазах ее совершенно не интересовали – надеюсь, я не ошиблась...

– У тебя совсем нет мозгов!

– Пусть у меня нет мозгов, зато есть либидо!

– А это что?

– *А вот что!*

– *Ого!!!*

– *А ты думала!*

– *Собственно, фиг с ними, мозгами...*

Царица потянула жертву, точнее избранника на сегодняшнюю ночь, в опочивальню. Потатила за те самые шаровары, которые уже совсем готовы были лопнуть под могучим натиском изнутри. Страж захлопнул за собой дверь, но Клеопатра успела услышать, как его напарник громко и завистливо вздохнул.

– Значит, либидо? – повернулась к стражу царица, отпуская из нежной, и одновременно цепкой ладошки шелк; во второй еще крепче был зажат Предвечный камень.

– Ксандр, моя царица, – рухнул на колени, а затем распростерся у ее ног стражник, – так меня зовут. Но если божественной Клеопатре будет угодно, я готов поменять имя, данное родителями...

– Божественной Клеопатре угодно другое! – к поднявшему вверх голову Ксандру тянулась рука царицы с тяжелым каменным кубком.

Сама она в те несколько кратких мгновений, что страж рассматривал узор густого ковра, успела полностью обнажиться. Теперь Ксандр был готов выпить из ее рук даже чашу с ядом. В каменной чаше действительно оказался яд; тягучая жидкость кроваво-красного цвета, которая огненным потоком провалилась в желудок, а потом вернулась в голову шальной смелостью и безрассудством – так, что сильные руки сами обхватили радостно пискнувшую женщину и бросили ее на ложе...

Очнулся Ксандр, когда его смена уже давно закончилась; но никто – ни старший смены стражей, ни сановники, ждущие царицы с ворохом неотложных дел, которые они словно специально копили годами – не посмел вторгнуться в гнездо неги и разврата. Парень бросился подбирать и напяливать на себя воинское одеяние, разбросанное по углам огромной комнаты. Его остановил прозвеневший серебряным колокольчиком смех Клеопатры.

Стражник резко повернулся к ложу:

– Богиня, – воскликнул он, сжимая побелевшими пальцами рукоять короткого меча римского образца, – повелевай! Какой подвиг должен я исполнить в твою честь.

Что-то помешало ему закончить словами: «... и в благодарность за блаженство, которым ты меня одарила!». А Клеопатра словно прочла эти строки в его глазах. Она нахмурилась, заглянула в свой каменный сосуд, который поддерживал силы и ее, и – главное – Ксандра всю эту долгую ночь, и небрежно махнула рукой: «Свободен!». По напрягшейся спине парня, по тому, как тот остановился на мгновение перед порогом, а потом решительно перешагнул его и с громким стуком захлопнул тяжелую створку, царица поняла, что в его душе сейчас бушует буря, внезапно возникшая посреди необъятного моря мужского удовлетворения. И ее совсем не удивил короткий предсмертный стон за дверью, и поднявшаяся там же суматоха.

Самка паука черная вдова пожирает своего партнера сразу после совокупления.

У людей немного по-другому – среднестатистическая жена растягивает это удовольствие на всю оставшуюся жизнь...

– Черная вдова – вот кто я, – с мрачной радостью поднялась с ложа Клеопатра.

Она вышла из опочивальни одетая подчеркнуто скромно; остановилась у влажного пятна, которое совсем недавно было красным, кровавым, и обвела собравшихся неторопливым взглядом. Государственные мужи попятились к выходу; стражникам у двери в ее спальню пятиться было некуда. Они вжались спинами в стену и замерли каменными статуями. И в их очах, и в глазах застывших, наконец, царедворцев метался один вопрос-утверждение: «Я следующий?!».

Следующих было много – каждую ночь новый. Это была кровавая тризна по Цезарю; несколько запоздалая, но от этого не менее ужасная. Мужчины заходили в ее спальню, словно на эшафот. Царица собственным телом исполняла их последнее желание, и... Ни один не избе-

жал своей участи. Потому что на землях благословенного древнего Египта ее слово было словом божьим. Имя Теа Филопатор, полученное ею при первом восшествии на престол, означало «Богиня, любящая отца». За неимением давно усопшего родителя она заменила его бесчисленной чередой чужих мужчин.

Сколько длилось бы это кровавое пиршество, питаемое неисчерпаемым Граалем? Вечность? Увы – в мире были силы более могучие, чем власть египетской царицы. Рим. Проклятый город, в котором она пережила и неземное счастье, и крушение всех надежд. Его представитель, Марк Антоний – эта слабая копия ее Зевса-Цезаря – направил свой гнев на Египет. Вообще-то гнев его был обращен на правительницу государства, но в последнее время Гера вполне серьезно соотносила два этих имени – Египет и Клеопатра – как одно целое, не существующее друг без друга. Очнувшись от очередного дурмана, навеянного волшебным сосудом, и отправив очередную жертву «черной вдовы» на смерть, царица вызвала к себе одного из немногих сановников, который мог позволить себе относительно безбоязненно разгуливать по дворцу. Как и Потин – управитель покойного Птолемея двенадцатого, ныне покойного брата и супруга царицы – ее собственный управитель был скопцом. Клеопатра не раз порывалась напоить этого обиженного судьбой человека мальвазией, но... Птулем (так звали скопца) был идеальным хозяйственником, безгранично преданным ей; царственная рука так и не поднялась, чтобы провести сомнительный эксперимент. К тому же Птулем совершенно не пил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.